

После начала второй сцены Кун Чэн дал Ся Сицину достаточно возможностей для использования и безоговорочной веры в новичка, который совершенно не разбирается в актёрской игре. Этот метод – отличное приключение в съёмках фильма, и худший результат – испортить весь фильм.

Хотя Кун Чэн – самый красноречивый человек в команде, это не означает, что всех остальных можно убедить в подобном способе работы.

Ся Сицин не мог выразиться яснее по этому поводу, всё, что он мог сделать, это убедить всех своими собственными способностями.

Но с точки зрения актёрского мастерства, какими способностями он вообще обладает?

То, что у него есть, – это не что иное, как героическая решимость проанализировать себя.

— Действуй!

Цзян Тун полулежал на земле, очевидно, в самой смиренной и слабой позе, опозоренный и смущённый, но на его устрашающем лице не было выражения мольбы о пощаде. Независимо от того, как бандиты унижали и избивали его, он использовал естественно неестественный тон голоса, чтобы заявить, что у него нет ни гроша. Факт.

У него действительно нет денег. Он просто заплатил арендную плату из своей зарплаты, купил кое-что из предметов первой необходимости и еды, а на остальные купил краски для поддержания своих экстравагантных увлечений.

Даже если велосипед сломается, он не смог бы взять его в ремонт.

— Я думаю, ты, блядь, притворяешься, что находишься здесь со мной. Я думаю, что сегодня тебе преподадут хороший урок. Ты даже не знаешь, кто главный на этой улице!

У лидера не было ни малейшего терпения. Он поднял Цзян Туна, которого сбили с ног, и прислонил к стене. Его кулак был направлен на его бледное лицо. Цзян Тун не мог сопротивляться. Казалось, у него отняли все силы, а живот болел так сильно, что его скрутило.

Видя, как этот кулак вот так летит прямо на него, всё, что он мог сделать, это подсознательно закрыть глаза. В любом случае, это происходило не в первый раз.

Пока он не может умереть, всё в порядке.

Но в следующий момент то, чего он ждал, был не сильный удар, который мог сломать ему челюсть, а горячая жидкость, брызнувшая ему на лицо под громкий шум и вой. Вырез был

ослаблен, Цзян Тун соскользнул по стене, и он был ошеломлён в тот момент, когда открыл глаза.

Гангстер, который только что требовал преподать ему суровый урок, просто упал перед ним, его лицо было залито кровью.

Цзян Тун ошеломлённо протянул руку и коснулся своего лица.

Пальцы полны крови, это кровь этого человека.

Он увидел палку, которой раньше не существовало, прямо у ног гангстера, всё ещё слегка перекатывающуюся.

Кто-то ударил его этим?

— Брат Ван? Брат Ван, ты в порядке?

Несколько других людей также были застигнуты врасплох, когда увидели это. Они немедленно окружили их и поддержали босса, который потерял свой престиж, но всё ещё был непреклонен:

— Что это за сукин сын! Поторопись, поторопись и убей его для меня! Чёрт, моя голова...

Несколько человек посмотрели вверх, в начало переулка, и Цзян Тун, который был ошеломлён, вспомнил в это время и ошеломлённо посмотрел в тот конец.

В лучах заходящего солнца из переулка вышел высокий мужчина, его волосы горели рыжим, как огонь.

Его лицо неясно при освещении сзади, а огненно-красный свет похож на его маску.

Внезапный незванный гость направился к ним, не сказав ни слова, не сказав ни одного грубого слова.

— Забей его до смерти за меня!

На стороне гангстера четыре человека, а на другом конце только один. Каким бы высоким он ни выглядел, он определенно не противник.

Цзян Тун помахал ему рукой и энергично сказал:

— Поторопись, поторопись!

Этот человек, казалось, был ещё более глух, чем он. Он вообще его не слушал. Он бросился прямо вперёд и ударил лидера ногой в грудь в лоб, повалив его прямо на землю. Кости по всему его телу разлетятся вдребезги.

После этого удара Цзян Тун, наконец, смог хорошенько рассмотреть его лицо при освещении сзади, особенно свирепые глаза одинокого волка.

Он дрожал всем телом и ничего не мог с собой поделать, но читал по губам.

— В ту ночь... в тот день...

Человек, который последовал за ним и чуть не убил его!

Как будто кто-то внезапно ущипнул его за шею, зрачки Цзян Туна расширились, а его тело ужасно затряслось.

Эти руки обычно плотно закрывали ему рот в темноте, и он также видел свирепый взгляд мужчины вблизи, как у отчаявшегося волка в лунном свете.

У высокого мужчины, очевидно, не было помощников, но когда он начал, он был настолько жесток, что не оставлял пути назад, и каждый удар убивал людей до смерти.

Цзян Тун пришёл в ужас, когда увидел это.

Этот человек совсем не боится смерти.

Последнее, что в этом мире нельзя спровоцировать, - это люди, у которых ничего нет, это те, кто действительно в отчаянии.

Вскоре люди, которые были чрезвычайно унижали Цзян Туна до этого, все упали на землю, и у них даже не было сил встать и убежать, как у нескольких старых собак, которые выжили.

Мужчина тяжело вздохнул и повернул лицо, чтобы посмотреть на Цзян Туна. Цзян Тун также мгновенно отвернулся, избегая его взгляда.

Пот катился у него по лбу, было холодно.

Он был напуган, это был первый раз, когда он признался в этом.

Он был действительно напуган.

Когда я вспоминаю ту ночь, мой физический страх невозможно преодолеть.

— Почему бы тебе не убраться отсюда, - внезапно сказал мужчина низким голосом с легким придыханием сразу после того, как убрал руку, — Ты хочешь остаться здесь и быть убитым ими?

Цзян Тун резко повернул голову и посмотрел прямо в лицо мужчине. Уголки его рта также были разбиты, а пуговица на бровной кости была сломана, и оттуда стекали тонкие следы крови.

Как мог этот человек сказать такое?

Это было так, как будто не он был тем, кто хотел покончить с собой той ночью.

Цзян Тун не знал почему, поэтому он вздрогнул и открыл рот. Очевидно, этого было достаточно, чтобы сбежать в это время, пока он мог выжить, но он всё ещё смотрел прямо ему в глаза и говорил в своём сердце:

— Ты... ты...

Мужчина не подошёл так близко, как он думал, он просто присел на корточки на расстоянии полуметра, безучастно глядя на Цзян Туна.

— Я был тем, кто следил за тобой в тот день. - Он дёрнул уголком рта, но не так, как будто смеялся, а как будто это была демонстрация в определенном смысле.

— Я...знаю...

Цзян Тун ответил с трудом, но твёрдо.

Отступления нет. Прижатый спиной к стене, он не имеет под рукой ничего, что можно было бы использовать в качестве оружия, но даже если бы он это сделал, он знает, что у него нет шансов на победу. Просто посмотрите на этих людей, которые лежат на земле. Столкнувшись с таким сильным человеком, у него почти нет места для сопротивления.

Он попытался успокоить дыхание и с трудом встал, прислонившись к стене. Сильная боль в животе не утихала. Его правую ногу тоже пинали и она болела, и ей было ужасно больно при каждом шаге.

Действительно, он избавился от пут этих людей, но в глубине души ему стало ещё больше страшно.

Потому что тень этого человека неотступно следовала за ним, точно так же, как в ту ночь.

Его тень была очень длинной-предлинной и призрачно появлялась рядом с ним, независимо от того, как быстро он подходил, он не мог избавиться от неё.

С трудом выйдя из переулка, Цзян Тун некоторое время колебался, когда увидел свой сломанный велосипед, но он действительно не осмелился больше оставаться. Страх заставил его сердце биться очень быстро, как будто оно готово было выпрыгнуть из груди в следующую секунду.

— Ты боишься меня.

Мужчина внезапно заговорил у него за спиной, заставив Цзян Туна испуганно задрожать, и ему было наплевать на старый велосипед, поэтому он вышел прямо из переулка.

Без всякой помощи его шаги ускорились, всё его тело было болезненным и неустойчивым, он захромал и упал на землю.

Мужчина позади не сделал шага вперёд, чтобы помочь ему, но сказал непонятным тоном.

— Ты должен бояться меня. - В его голосе слышалось отчаяние, — но не сейчас.

Цзян Тун не понял, что он имел в виду, и у него не было желания понимать.

Он не оглянулся. Они вдвоём просто вышли из грязного и тесного переулка один за другим. Снаружи была дорога с оживлённым движением. По обеим сторонам были посажены высокие платаны. В начале лета листья платанов буйно разрастались, а ветви и листья платанов по обе стороны дороги почти соединялись вместе, закрывая небо.

Это чувство очень чудесное, как будто у двух людей всё равно никогда не будет пересечения, и они отчаянно протянули друг к другу руки.

Можете вы обниматься или нет, но пока есть момент, когда ваши кончики пальцев соприкасаются друг с другом, всё того стоит.

Поэтому Цзян Тун любит платаны в это время года, что является редким источником надежды в его мрачной жизни.

Опустив голову и всё ещё находясь в тени, Цзян Тун мог держаться за дерево каждые несколько шагов, которые он делал, но промежутки посередине всё ещё делали его ноги невыносимыми, и его шаг становился всё медленнее и медленнее.

— Стоять.

Человек позади него внезапно заговорил, и Цзян Тун снова опешил. Он чуть не перевернулся вверх ногами без посторонней помощи.

— Повернись.

Естественный страх перед этим человеком заставил его принять решение повиниться. Цзян Тун неловко вывернул шею и повернул лицо вбок, но он не смотрел на него.

Он думал, что этот прирождённый убийца-безумец определенно загнал бы его в угол, где никого нет, возможно, он непосредственно убил бы его и расчленил его тело на множество частей, или пытал его всеми способами, чтобы удовлетворить своё собственное удовольствие, иначе он действительно не мог представить, в какой ситуации человек оказался бы в неведении.

Преследуя другого совершенно незнакомого человека, он не хочет зарабатывать деньги или удовлетворять определенное желание, он просто хочет убивать людей.

Но он не ожидал, что после того, как убийца в его сердце отдал приказ, он наклонился и сел на краю дороги, глядя ему в лицо:

— Сядь.

Каковы его намерения?

Цзян Тун схватился за живот и обернулся, не смея ни сесть, ни продолжать стоять вот так.

Мужчина ещё раз подмигнул ему, свирепо, в котором нельзя было отказать.

Цзян Туну пришлось медленно наклониться, готовясь сесть рядом с ним.

— Не подходи ко мне слишком близко.

Цзян Тун необъяснимо посмотрел на него, его глаза были полны сомнений.

Но он не хотел поднимать никаких вопросов, поэтому молча сел, испытывая боль.

Лучше идти дальше.

Его глаза робко скользнули по лицу этого человека.

Кровь, которая только что капала на верхнее веко, достигла настоящего момента, подобно воде, текущей по глубокому каньону, потому что его глазницы очень глубокие, очень похожие на гипсовые головы, используемые теми, кто изучает искусство, чтобы попрактиковаться в рисовании эскизов.

Но у Цзян Туна не было денег на обучение, и у него даже не было возможности прикоснуться к гипсовым статуям.

Взгляд Цзян Туна стал твёрже, но его сердце всё ещё билось. Он сглотнул, и его кадык дёрнулся.

Поверни голову назад.

— Снято!

Кун Чэн встал, не в силах подавить удивление на своём лице:

— Очень хорошо, очень хорошо, этот дальний бросок только что был очень хорош.

Вам двоим совсем не нужно напрягаться, чтобы сыграть.

Он хотел сказать эту фразу, но не знал, что делать, поэтому промолчал.

Они сделали несколько снимков предыдущего боя с разных ракурсов, и эффект также был очень хорошим. Появление пяти или шести заходов было очень эффективным для относительно напряжённой сцены боя.

Что удивило Кун Чэна, так это то, что после того, как Цзян Тун встал, Гао Кун последовал за ним, и они вдвоём вышли на дорогу один за другим. Полный кадр.

Драматическое напряжение между этими двумя людьми почти естественно, и это лучше, чем он себе представлял, чем результат стычки в наилучшей степени.

Даже реплики, которые Гао Кун небрежно произнёс в конце, тон и ритм были в самый раз.

Я действительно нашёл сокровище.

Ся Сицин глубоко вздохнул, и эмоции, которые были натянуты, внезапно ослабли, что заставило людей почувствовать себя немного неловко.

Теперь он понимает, почему так много актёров испытывают плохие эмоции, когда играют. Эту работу на самом деле выполняют не обычные люди.

Сяо Ло подошёл и держал маленький розовый веер размером с ладонь. Как только он собрался заговорить, Чжоу Цзихэн схватил веер в руку и передал его Ся Сицину, который сидел рядом с ним, не дая на него.

— Жарко? Ты поторопись и дуй.

Ся Сицин поднял голову и посмотрел на вспотевшего Чжоу Цзихэна:

— Ты горячее, верно?

— Мне не жарко. - Чжоу Цзихэн выключил вентилятор и бросил его ему в руки.

Младшая сестра, визажист сбоку, засмеялась и сразу же похлопала Цзихэна по лбу:

— Не потей, если тебе не жарко. Посмотри на макияж, который нам приходится наносить тебе каждый раз, когда мы режем, и кровь стекает вместе с потом.

Чжоу Цзихэн смущённо поднял глаза и улыбнулся.

Ся Сицин держал ручку вентилятора в руке, и уголки его рта были приподняты. Он включил выключатель, подвинул задницу и сел рядом с Чжоу Цзихэном. Рядом с ним он держал маленький вентилятор и поместил его между ними двумя. Всё ещё шутил по поводу линий только что.

— Я собираюсь подобраться так близко.

Чжоу Цзихэн быстро поразмыслил, снова переместился вправо и повторил фразу Гао Куна:

— Не подходи ко мне так близко.

— Должен. - Ся Сицин снова пошевелился.

— Прекратите это, вы двое, я больше не могу красить.

Визажиста позабавили два наивных призрака, и он продолжал смеяться. На лице Сяо Ло рядом с ним появилось выражение отвращения, и он не осмелился позволить Чжоу Цзихэну увидеть это.

— Это хлопотно - играть Цзян Туна? - Чжоу Цзихэн всё ещё беспокоится о Ся Сицине.

Ся Сицин приподнял кончики бровей, его глаза были ленивыми и дерзкими, и он понизил голос рядом с Чжоу Цзихэном и сказал:

— Это действительно...

Чжоу Цзихэн также понизил голос:

— Кто сказал тебе выглядеть таким слабым?

Ся Сицин свирепо посмотрел на него и чуть не ударил ножом на глазах у других. Чжоу Цзихэн немедленно загладил свою вину, когда увидел его:

— Я просто шучу, прости, мне очень жаль. - Ему также показалось это забавным, когда он сказал. — Я никогда не дрался в школе.

— Совершенно верно, вы вызвали полицию.

Чжоу Цзихэн удивлённо повернул голову:

— Откуда ты знаешь?

Ся Сицин улыбнулся немного по-мальчишески:

— Я просто знаю.

Чжоу Цзихэн перестал создавать проблемы, слегка убрал улыбку со своего лица и сменил тему:

— Ты просто... почему ты такой реальный, когда боишься меня? - Он снова обдумал формулировку. — Я имею в виду, ты обычно ничего не боишься. Я верю, что ты никогда не боялся драки.

Собеседник долгое время молчал, прежде чем, наконец, обрел дар речи.

— Я боюсь темноты.

Смех Ся Сицина был очень лёгким, но он тяжело отозвался в сердце Чжоу Цзихэна.

— Позаимствовать это чувство нетрудно.

Чжоу Цзихэн и представить себе не мог, что можно позаимствовать хоть немного эмоций у самого глубокого страха в его сердце.

Маленький веер мягко повернулся, Ся Сицин уставился на круг в центре, его щеки коснулись.

— Там есть пот. - Подняв глаза и увидев улыбающегося Чжоу Цзихэна, он выглядел сожалеющим. — Ах, кажется, она стала грязнее после того, как я её вытер.

— Уходи, я так тебя раздражаю.

Ся Сицин опустил голову, чтобы вытереть лицо, он неосознанно улыбался шире.

Кун Чэн снова посмотрел на длинный снимок, который был сделан из переулка на обочине дороги, и подошёл к нему с немалым удовлетворением:

— Этот снимок только что был действительно хорош. Конечно же, вы должны держать камеру перед собой, чтобы почувствовать, что идёте. - Он снова поспешно перешёл на другую сторону, после чего сообщил главному фотографу перспективу и расположение объектива.

— Ты попробовал длинные кадры в первый раз, когда снимался. Это потрясающе. - Как только Кун Чэн ушёл, Чжоу Цзихэн начал высмеивать Ся Сицина, «талантливый новичок».

— Разве это не ты? - спросил он.

— Я заземлил это. - Чжоу Цзихэн приложил несколько бумажных полотенец к своему лбу. — Он немного помял его. Он положил руку на согнутое колено. — Как насчёт меня, многие режиссёры говорили мне, что я могу играть жизнь и смерть, но я не могу играть жизнь. Я могу играть столько эмоций, сколько захочу, но я просто не могу играть обычного плоскоголового обычного человека. Поскольку я их совсем не знаю, я не понимаю своей роли.

Его глаза смотрели на дорогу:

— Так что в то время я был таким, сидел на корточках на обочине дороги, иногда на это уходил целый день. В то время я был ещё молод и учился в средней школе, и ещё не был очень популярен. Я просто сидел вот так на корточках, когда праздник был в порядке, казалось, что прохожие приходят и уходят. Прочитав больше, я обнаружил, что каждый человек - это совокупность эмоций. Слишком много эмоций навалено на тело. Это очень сложно. Это настолько сложно, что я могу использовать эти эмоции только для того, чтобы отполировать

друг друга, чтобы жить как взрослый человек, поэтому я сгладил это.

По его словам, Чжоу Цзихэн посмотрел на Ся Сицина с улыбкой на лице:

— Позже я понял, что хочу играть именно в такой пинг.

Тёплый жёлтый закат очертил каждый уголок лица Чжоу Цзихэна, но он окутал их так мягко.

Ся Сицин просто посмотрел на него вот так, уголки его рта приподнялись, но он ничего не сказал.

Он действительно хотел что-то сказать, но обнаружил, что его бесплодный язык был совершенно неспособен описать, что он чувствовал к Чжоу Цзихэну в этот момент. Это было слишком хорошо, чересчур, и это перешло порог, который можно описать словами.

Было бы здорово, если бы были кисти и пигменты, предпочтительно тёплые и мягкие акварельные краски. Он хочет нарисовать это сейчас и нарисовать Чжоу Цзихэна, который, по его мнению, увлечён исполнительским искусством.

— На что ты смотришь? – Чжоу Цзихэн посмотрел на Ся Сицина, который смотрел на него немного озадаченно.

Ошеломлённый Ся Сицин вышел из своего созерцания и поднял на него брови:

— Смотрю на себя, красивый парень.

— Это красивый парень. – Чжоу Цзихэн намеренно коснулся пальцев ног Ся Сицина своими ступнями и снял салфетку с его головы.

Визажист уходит, и вот-вот начнётся следующая сцена.

Ся Сицин сел и вернулся в прежнее положение, чтобы дождаться начала, но внезапно услышал голос Чжоу Цзихэна.

— Я не хочу, чтобы ты был таким плоским.

Тело застыло.

Ся Сицин внезапно замер и мог только смотреть на тень Цзихэна на земле.

— Я надеюсь увидеть все твои эмоции, хорошие или плохие, какими бы сложными или острыми они ни были, не шлифуйте друг друга, просто дайте им волю.

Последняя фраза была намеренно произнесена так тихо, что только они двое во всем мире могли её услышать.

— Дай это мне, я смогу это вынести.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14508/1284214>